

УДК159.92

**ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ОБРАЗА МИРА СОЦИАЛЬНЫХ СИРОТ***Повстьян Людмила Александровна*

*Кандидат психологических наук, профессор кафедры социально-педагогических дисциплин, Кокшетауский университет им. Абая
Мырзахметова, г. Кокшетау, Казахстан
e-mail: Povstyan1946@mail.ru*

В настоящей статье предпринята попытка на основании анализа изобразительной деятельности (рисунок) социальных сирот обосновать влияние материнской депривации на особенности конструирования образа мира детей. Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что сделана попытка определить основные направления нивелирования патогенных психологических последствий нарушения детско-родительской общности у социальных сирот.

Ключевые слова: образ мира, социальное сиротство, материнская депривация, детско-взрослая общность, базовое доверие к миру, состояние неопределенности, стрессовая активность, индивидуальное психологическое время, амбивалентность чувств.

**THE INFLUENCE OF MATERNAL DEPRIVATION ON SOCIAL ORPHANS
WORLDVIEW***Povstyan Lyudmila Aleksandrovna*

*Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social and Pedagogical Disciplines, Kokshetau University named after Abay
Myrzakhmetov, Kokshetau, Kazakhstan
e-mail: Povstyan1946@mail.ru*

In this article, an attempt is made to substantiate the influence of maternal deprivation on the characteristics of constructing the image of the world of children on the basis of an analysis of the visual activity (drawing) of social orphans. The practical significance of this report lies in the fact that an attempt is made to determine the main directions of leveling the pathogenic psychological consequences of the violation of the child-parent community in social orphans.

Keywords: image of the world, social orphanhood, maternal deprivation, child-adult community, basic trust in the world, state of uncertainty, stress activity, individual psychological time, ambivalence of feelings

Становление и развитие в сознании человека образа мира представляет собой «преобразование человеком природных и социальных предпосылок, культурных и духовных условий в средства своего развития и саморазвития» [23, с. 133]. Данный аспект лежит в основе базовых предпосылок психолого-педагогической практики сопровождения развития детей. Особую

проблематичность процесс формирования в сознании ребенка образа мира приобретает в ситуации социального сиротства у детей, лишенных родительской опеки, переживших, как правило, материнскую депривацию [1, 15, 25, 27].

Образ мира формируется в сознании ребенка в значении образа социального мира, мира деятельности, отношений, переживаний [6]. М.М. Бахтин писал об отражении образа мира в индивидуальном сознании человека следующее: «Свое сознание я переживаю как бы объемлющим мир, охватывающим его, а не вмещенным в него в виде и осязании небольшого и ограниченного предмета» [8, с. 118]. А.Н. Леонтьев развил идею конструирования образа мира не просто как отражения объективной реальности в субъективном сознании индивида, а в плане развития, построения: «...мы действительно строим, но не мир, а образ, вычерпываем его из объективной реальности. Важно, что получается в результате? Образ объективного мира... более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный». [13, с. 13]. Г.М. Андреева, опираясь на основные концептуальные положения А.Н. Леонтьева, отмечает следующие «процессы, включенные в понятие «образ мира»: 1) индивиды *строят* образ мира, 2) они сами его *переделывают* и частично создают, 3) образ мира *функционирует* и опосредует их действия в реальном мире» [5, с. 34].

В.П. Зинченко развил теорию А.Н. Леонтьева об отражательной функции сознания, включающей в себя не только когнитивную составляющую значения и смысла предметов и явлений окружающего мира, но и эмоциональное отношение к миру, и выделил два уровня осознания образа мира. Согласно мнению, В.П. Зинченко, первый уровень осознания образа мира – бытийный уровень, включающий в себя опыт практики, действия и чувственные образы, ко второму уровню относится рефлексивный уровень, который формирует эмоциональную составляющую личностного значения и смысла взаимодействия и взаимоотношений с реальностью окружающего мира [11].

Данный процесс формирования образа мира происходит непрерывно на протяжении всей сознательной жизни индивида [17]. *Социальное сиротство по определению* предполагает ситуацию психической депривации, т. е. лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей. Чаще всего имеет место материнская депривация, сочетающая в себе сенсорную, эмоциональную, социальную депривацию. Родительско-детские отношения в ситуации социального сиротства имеют глубокое патогенное влияние на детское развитие и занимают особое положение в детско-взрослой общности в связи с формированием у ребенка на их основе базового недоверия к миру. Снижение базового доверия к миру в связи с дефектами материнско-детского взаимодействия, его непоследовательностью, нерегулярностью и непредсказуемостью у социальных сирот приводит к нарушению осознания мира на первом, бытийном уровне, что способствует развитию психофизического напряжения, связанного с таким понятием, как неопределенность [3, с. 88].

Ощущение неопределенности возникает у ребенка, если чувственные образы, обусловленные присутствием матери (голос тело матери, осязание ее тела, запахи и т. д.), логистически не связаны у ребенка на неречевом этапе осознания действительности с удовлетворением основных потребностей его организма, «когда не формируется представление о последовательности значимых для ребенка событий», не формируется, т. е. не происходит первичного понимания времени, нарушается формирование индивидуального психологического времени ребенка, т. к. «смысл понятия может быть раскрыт только как значение для субъекта» [19, с. 168]. В данном случае понятие времени формируется как последовательность чередования событий, отвечающих задачам жизнеобеспечения в плане необходимого питания, защиты, гарантии безопасности. Несформированность индивидуального психологического времени ребенка может быть также обусловлена различными негативными факторами, резко нарушающими привычный уклад жизни,

такими как смерть близких, военные конфликты, стихийные бедствия. Несформированность психологического времени у ребенка часто оставляет фрагментарные представления о прошлом, приводит к отсутствию четкого образа себя в настоящем и неопределенности, фрагментарности своего представления о будущем. Дети, подвергшиеся насилию, лишены родительского попечения, имеют типичную коррозию восприятия своего психологического времени – у них практически отсутствует ответственное отношение к собственному времени жизни наряду с эмоционально-негативным отношением к своему прошлому и настоящему [2, с. 168].

Пренебрежение нуждами ребенка в ситуации депривации порождает для него ощущение неопределенности, непредсказуемости и воспринимается как стрессовая ситуация опасности. Б.Г. Ананьев связывал понятие неопределенности с психофизическим напряжением – «это пограничное состояние, где размыты границы между нормой и патологией. Сейчас это состояние носит название экстремальных ситуаций. Сдвиги, которые происходят в человеческой психике, связаны как раз с реакцией на неопределенность. Неопределенность как многообразие форм напряжения – «это характеристика того динамизма психики в современном мире, которая ставит много новых научных проблем и, в частности, в области воспитания и управления человеческим развитием» [4, с. 88]. Б.Г.Ананьев впервые обратил внимание на наблюдение Ф.М. Достоевского, описавшего амбивалентность чувств, «что такое чувство, которое одновременно есть удовольствие и неудовольствие, любовь и ненависть, вера и неверие. Это состояние – либо эффект развития, либо ранняя, самая начальная фаза развития. Скорее всего, это и то, и другое, в зависимости от того, какие типы развития мы рассматриваем» [4, с. 88].

В ситуации социального сиротства состояние неопределенности на втором, рефлексивном уровне осознания мира нарушает развитие эмоциональной составляющей личностного значения и смысла взаимодействия и

взаимоотношений с окружающим миром, придает ей амбивалентный, неопределенный характер. Ряд исследователей отмечают недостаточную зрелость и дифференцированность эмоциональной сферы у социальных сирот, амбивалентность чувств веселья и злости. Дети не могут отличить состояние покоя от скуки, любой вид психомоторной активности, даже в позитивной игровой ситуации, очень быстро и беспричинно принимает агрессивный характер...

В связи с нарушением детско-взрослой общности у социальных сирот отмечаются амбивалентные тенденции и в общении со взрослыми: контакты такого ребенка «нервозны и поспешны, он одновременно домогается внимания и отвергает его, переходя на агрессию или пассивное отчуждение» [14, с. 32].

Известный детский психиатр Брюс Перри считает, что пренебрежение нуждами ребенка в младенческом возрасте является тяжелой психотравмой и имеет тяжкие последствия для психического развития ребенка. Брюс Перри имеет в виду такое явление, как нейропластичность мозга, «обозначающая способность нейронных связей и сетей изменяться под влиянием жизненного опыта» [9, с. 339], в частности, под влиянием активизации стрессовой реакции. Если входящая сенсорная информация вызывает ощущение опасности, то в нижних отделах мозга (ствол мозга) активируются стрессовые реакции, что снижает точность обработки информации в кортикальных отделах мозга: «в результате активизированная стрессовая реакция создает «массу зависимых от состояния сдвигов мышления, эмоций и поведения» [9, с. 33].

Элементарный сенсорный образ (звук, голос матери, тактильные ощущения, прикосновение), значение которого для ребенка очень высоко, его идеальное содержание в смысле соответствия переживанию удовольствия, безопасности, тепла, ласки в кругу близких людей, радости, веселья, достижения победы и т. д. важны и необходимы в контексте удовлетворения основных базовых потребностей ребенка. Таким образом, эмоциональная составляющая восприятия основных модальностей среды как объекта

восприятия придает ей индивидуальную сущность и обретает для ребенка индивидуальное значение и смысл [7, с. 19]. На основе этого элементарного сенсорного опыта закладывается база представления об отношении к окружающему миру, основы эмоционально-аффективной мотивации поведения, «которая со временем все в большей мере корректирует и направляет деятельность основных систем поведенческой активности» [2, с. 12].

Не менее важной является роль взрослого посредника в детско-взрослой общности в культурном развитии личности ребенка в плане развития высших психических функций, которые формируют основу его мировоззрения, его образа мира. Детство как процесс развития является «процессом насыщения растущих людей взрослым миром, целью этого взаимодействия является взросление ребенка, «его вращивание в культуру» [10, с. 160]. Посредническое действие взрослого в детско-взрослой общности, по мнению Б.Д. Эльконина, предполагает «действия по взаимообнаружению и взаимопроекции идеального и реального» [21, с. 9]. Взрослый человек должен от роли опосредования при передаче культурного опыта ребенку перейти к роли посредника. Определение роли посредника между культурой и ребенком уже само по себе предъявляет взрослому сообществу и родителям в частности требование быть выразителем и «являть», нести в себе некую идеальную форму, которая должна восприниматься, усваиваться и осваиваться ребенком в следующих категориальных конструкциях:

1. Идеальная форма – образ совершенной взрослости.
2. Событийная – способ явления взрослости.
3. Посредничество – поиска и построения этого способа.

Если взрослый теряет в себе представительство этой идеальной формы взрослости, «поскольку вне образа взрослости нет авторитета взрослого – опоры его власти, то «таким образом взрослые теряют все средства воздействия на детей» [21, с. 7], теряется представленность взрослости, исчезает событийность общения, утрачивается идеальная форма взрослости. Согласно

мнению Л.С. Выготского, «величайшей особенностью детского развития является то, что оно совершается в таких условиях, когда «образец», «индивидуальная конечная форма», та, которая появится в конце развития, не только существует в окружающей среде ребенка и взаимодействует с ребенком с самого начала, но она реально направляет, регулирует процесс развития и является его источником» [3, с. 220].

В ситуации социального сиротства страдают все три категориальные конструкции восприятия ребенком идеальной формы взрослости. В младенческом возрасте и в раннем детстве страдает преимущественно событийность в отношениях взрослого и ребенка, когда взрослый не является гарантом безопасности и достаточного жизнеобеспечения для ребенка и нарушается формирование базового доверия к миру, что, в свою очередь, определяет фундаментальную установку зависимости и привязанности в межличностных отношениях, безопасности и защищенности по отношению к окружающему миру. Событийность контактов со взрослым воспринимается ребенком как определенная последовательность чередования во времени исходных сенсорных и собственно перцептивных форм первичных образов [9], имеющих для ребенка индивидуальное значение в смысле формирования базового доверия к миру и возникновения индивидуального психологического времени.

В старшем дошкольном и младшем школьном возрасте все три категориальные формы взаимодействия, взаимопроникновения в детско-взрослой общности представлены более полно. Взрослый воспринимается уже не просто как носитель элементарных первичных сенсорных модальностей (звук голоса, прикосновения, запах и т. д.), но как целостный образ, имеющий для ребенка определенное значение и смысл.

Итак, в силу депривационных условий развития социальных сирот восприятие ими окружающего мира происходит на фоне активизации стрессовой реакции в состоянии неопределенности, что приводит к развитию

эмоциональной амбивалентности, нарушению формирования индивидуального психологического времени ребенка, нарушению личностного значения и смысла взаимодействия и взаимоотношений с окружающим миром.

Ранее нами было показано, что сенсорный материал автобиографической памяти, накопленный в раннем детстве, ложится в основу аффективной мотивации поведенческой активности человека и «определяет гармоничность и целостность развития его психологического времени, позитивный или негативный настрой в его отношении к окружающему миру и осознании себя в этом мире» [15, с. 85]. При этом основными наиболее специфичными особенностями образа мира депривированных детей, отраженными в графическом изображении, являются бедность образов, монотонность и некоторая стереотипность изображения, преобладание перечисляющих рисунков по сравнению с рисунками в контрольной группе, что свидетельствует о замедленном развитии представления о многомерности образа мира на этапе развития поля значений при переходе в поле смысла [15].

Цель данной работы: обосновать влияние материнской депривации на особенности конструирования образа мира детей на основании анализа изобразительной деятельности (рисунков) социальных сирот.

Представлены результаты пилотажного исследования рисунков детей – воспитанников детского дома г. Рубцовска. В группу вошли дети 8–10 лет: 10 девочек и 8 мальчиков. Психолог предложил детям нарисовать свои воспоминания об их доме, дети по желанию могли выбрать как изображение самого дома, так и все, что они связывают с понятием «дом» (своих близких, обстановку дома, предметы и т. п.). Задание подразумевало отражение смысла, который они вкладывают в понятие «личное пространство», «личные отношения» в пределах дома как части знакомой им картины мира. Половина детей (3 мальчика и 6 девочек) отнеслись к заданию без особого интереса и изобразили общую схему дома без уточняющих деталей. 5 мальчиков и 4 девочки в своих рисунках отразили личностный смысл и значение своего

личного пространства и личных взаимоотношений в доступной их осознанию картине мира.

В качестве примера представлен рисунок 1 мальчика В. 10 лет, в школе не обучался, т. к. родители-наркоманы им не занимались, ребенок был найден в заброшенном помещении. После 3-х месяцев предварительной подготовки приступил к школьному обучению по специальной программе, за 1 год освоил программу начальной школы и был переведен в 5 класс общеобразовательной школы. По просьбе психолога нарисовал свою семью, дом в связи с его отсутствием рисовать не стал (рис. 1).

Рис. 1. Рисунок на тему: «Воспоминания о доме» мальчика В.

Мальчик изобразил родителей в виде королевской четы, но без кистей рук и без ног, портреты свидетельствуют об амбивалентном отношении мальчика к родителям. С одной стороны, изображение носит признаки могущества (королевский статус), с другой стороны – полная беспомощность (нет опоры в реальной жизни.) Родители изображены изолированно и друг от друга и вне

контакта с В., т. е. по категории событийности и способа реализации этой событийности информация отсутствует.

На двух других рисунках девочка А. 10 лет (рис. 2, А) и девочка М. 10 лет (рис. 2, Б) представили категорию идеальной взрослости: на рис. 2 (А) – красавица перед зеркалом, на рис. 2 (Б) отражение идеальной взрослости в образе взрослого застолья – аккуратно сервирован стол с букетом цветов и спиртными напитками. Категория событийности в обоих рисунках исключает самих детей, но отводит им роль восхищенных наблюдателей за взрослой жизнью родителей и таким образом определяет способ реализации событийности – наблюдение, подражание.

Рис. 2. Рисунок на тему: «Воспоминания о доме» девочки А. (А) и девочки М. (Б).

Представляет интерес и определение депривированными детьми своего личного пространства в общей картине мира: личное пространство у детей ассоциируется с понятием «дом». Девочка Н., 10 лет, воспитывалась в тяжелых материально-бытовых условиях в связи с алкоголизацией родителей. Свой дом нарисовала в глубокой изоляции от окружающего мира, на фоне стартующих

космических ракет, изобразила его в крайне непрезентабельном виде (маленьким, в одно окошко, полуразвалившимся), обвела его территорию сплошной линией изоляции (рис. 3).

Рис. 3. Рисунок на тему: «Воспоминания о доме» девочки Н1.

Следующий рисунок в метафорической форме отражает историю семьи девочки Н2. Девочка Н2., 9 лет, воспитывалась сестрой матери (тетей) в связи с тем, что мать была лишена родительских прав и в семье не проживала. На рисунке около вполне крепкого ухоженного дома (дом принадлежит матери и девочке Н2) растет высокое дерево, на самой его вершине в очень неустойчивом положении изображено гнездо, полное яиц (дети), от дома удаляется птица (мать), она оглядывается на гнездо, но не делает попыток вернуться. У дверей дома с ключом в руках в угрожающей позе стоит женщина (тетя) и не пускает птицу в дом, дети тоже остаются на улице. Девочка переживает состояние неопределенности, амбивалентности переживаний: дом мой и не мой, мама должна идти к своим детям, но она уходит (рис. 4).

Рис. 4. Рисунок на тему: «Воспоминания о доме» девочки Н2.

Следующий рисунок дома принадлежит мальчику В2, 10 лет (рис. 5). Мальчик В2 с сестрой-близнецом воспитывались дедушкой (отец матери), отец детей неизвестен, мать лишена родительских прав, с семьей не проживала. Около полугода назад дедушка скоропостижно умирает, и дети попадают в детский дом, приезжает мать, но в родительских правах не восстанавливается и вместе с сожителем поселяется в дедушкиной квартире. Детям было разрешено посещать мать, но она контактов с детьми не поддерживала и даже уклонялась от них, сожитель матери в грубой форме просто не пускал детей в квартиру. В. изобразил на фоне тревожного неба (множество птиц, облака) приятный, приветливый домик, примостившийся на обрыве, на крыльце под навесом прикреплен яркий светильник, к краю обрыва едва прикреплен мостик, висящий над обрывом. Рисунок выражает боль утраты своего места, воспоминания о защите и тепле дедушкиного дома (фонарь на крыльце) остались в прошлом (левая половина листа), настоящее зыбко и неопределенно (мост в будущее очень ненадежен, не закреплен в настоящем), рождает ощущение опасности и само будущее (правая половина листа), оно неопределенно, даже возникает ощущение его отсутствия. Переживание неопределенности и опасности вызвало у детей активизацию стрессовых реакций, и с ними был проведен цикл антистрессовой терапии.

Рис. 5. Рисунок на тему: «Воспоминания о доме» мальчика В2.

Итак, из анализа представленных рисунков можно сделать вывод о том, что на неречевом этапе осознания мира, в младенческом и раннем детском возрасте, знакомство ребенка с миром происходит в форме элементарных сенсорных ощущений различных модальностей и закладывается в его базовом мировосприятии как когнитивный компонент, который формирует рефлексивный уровень осознания мира, и эмоциональный компонент осознания окружающей среды. В ситуации недостаточности или отсутствия ощущений, связанных с безопасностью, комфортом, обусловленных присутствием близкого взрослого (ситуация социального сиротства), у ребенка возникает ощущение неопределенности, переживание психического напряжения, что приводит к развитию повышенной стрессовой активности. Повышенная стрессовая активность искажает мировосприятие и способствует развитию у ребенка базового недоверия к миру, нарушается формирование индивидуального психологического времени личности и затрудняется развитие эмоциональной сферы в форме амбивалентности эмоций.

В ситуации социального сиротства, когда ребенок подвергается общей депривации при недостаточности, ущербности или даже отсутствия материнско-детской общности, искажается восприятие идеального взрослого как неотъемлемой части образа мира. Как свидетельствуют представленные

рисунки детей, если в рисунке отражена категория событийности детско-взрослой общности, то она не связана с конкретным взрослым и способом организации этой событийности. Событийность в рисунке нецеленаправленна и не учитывает потребности ребенка, носит пугающий характер неопределенности, сам ребенок в событиях не участвует, является пассивным наблюдателем.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что сделана попытка определить основные направления работы по нивелированию патогенных психологических последствий нарушения детско-родительской общности у социальных сирот. К таким приоритетным направлениям, по нашему мнению, должны относиться воссоздание детско-взрослой общности и амплификация сенсорного потока ощущений, чувственных образов различной модальности, участвующих в конструировании образа мира ребенка.

Воссоздание детско-взрослой общности необходимо осуществлять в категориях идеального взрослого, событийности и способа организации событийности. Событийность в со-бытии со взрослым должна иметь для ребенка личностный смысл эмоционально окрашенных впечатлений.

В настоящей статье предпринята попытка обосновать влияние материнской депривации на особенности конструирования образа мира социальных сирот. Нерегулярность, недостаточность или даже отсутствие потока элементарных сенсорных ощущений различных модальностей от матери или близких людей, создающих атмосферу безопасности, заботы, достаточного жизнеобеспечения и комфорта, вызывают у ребенка в младенческом и раннем детском возрасте ощущение опасности и угрозы, что способствует развитию базового недоверия к миру. Отсутствие базового доверия к миру лежит в основе патогенного влияния на развитие личности ребенка, страдают такие ее параметры, как формирование индивидуального психологического времени, отмечается развитие эмоциональной амбивалентности. В связи с ситуацией неопределенности включается активизация процесса стрессовой активности,

искажающей когнитивные и поведенческие аспекты личности, что создает определенные особенности формирования образа мира у ребенка, определяет характер его отношения к окружающему миру и осознания своего места в нем.

Список литературы:

1. Акинфеева О.А., Ильин В.А. Материнская депривация как основной детерминант формирования диффузной идентичности личности и нарушенной самооценки. // Международный «ВЕСТНИК НАУКИ». 2024. Т. 2, № 2 (71). С. 326–344.
2. Алексеева И.А., Новосельский И.Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М. : Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2013. 213 с.
3. Алексеева И.А., Новосельский И.Г. Реабилитационная работа с детьми, пережившими травму, в условиях организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М. : Мегафон, 2015. 231с.
4. Ананьев, Б.Г. Достоевский и психология. В кн.: Б. Г. Ананьев. Психология человека. Избранное. СПб. : Международная академия психологических наук, 1997. С. 79–89.
5. Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вестник психологии. 2013. № 3. С.33–43.
6. Альперович В.Д. Представление личности о других людях в связи с её «образом мира» и «картиной мира» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 3. С. 334–346.
7. Альперович В.Д. Субъективный «образ мира»: сравнительный анализ концептуальных моделей // Психология и Психотехнология. 2023. № 4 С.104–117.
8. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х годов. Собрание сочинений в 7 т., т.1. М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 1997. С. 118.
9. Брюс Перри, Салавиц Майя. Мальчик, которого растили как собаку. 2021, М. : Изд-во Бомбора. 446с.
10. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб : Союз, 1999. 224с.
11. Зинченко В.П. От генеза ощущений к образу мира /Сб. статей «А.Н. Леонтьев и современная психология». М. : Изд-во МГУ, 1983. 288 с.
12. Кузьмишко А.А. Проявление материнской депривации в процессе семейного воспитания // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. Т.4. № 4 (73).С. 529–532.
13. Леонтьев А.Н. Образ мира как мера человека. Восприятие и мировосприятие – условие его существования и развития // Мир психологии. 2003. № 4. С.10–18.

14. Мухина В.С. Психологическая помощь детям, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 32–39.
15. Повстан Л.А. К вопросу об особенностях формирования автобиографической памяти у детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник психологии и педагогики Алтайского госуниверситета. 2022. № 4. С.79–87.
16. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития субъективной реальности в онтогенезе. М. : «Школа—Пресс, 2000. 416с.
17. Смирнов С.Д. Миры образов и образ мира как парадигма психологического мышления // Мир психологии. 2003. № 46. С.18–40.
18. Тесленко А.Н. Социальное сиротство : девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка. // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2(4). С. 386–396.
19. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метапсихология. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 510 с.
20. Швецова А.А. Профилактика социального сиротства: социально опасная семья, как фактор возникновения социального сиротства. //Вестник магистратуры. 2022. №4-4 (127). С. 118–119.
21. Эльконин Д.Б. Введение в психологию развития (в традициях культурно-исторической традиции Л.С. Выготского). М. : Тривола, 1994–168с.

References:

1. Akinfeeva O.A., Il'in V.A. Materinskaja deprivacija kak osnovnoj determinant formirovanija diffuznoj identichnosti lichnosti i narushennoj samoocenki. Mezhdunarodnyj Vestnik Nauki. 2024. Vol. 2, No 2 (71). P. 326–344.
2. Alekseeva I.A., Novosel'skij I.G. Zhestokoe obrashhenie s rebenkom. Prichiny. Posledstvija. Pomoshh'. Moscow: Nacional'nyj fond zashhity detej ot zhestokogo obrashhenija, 2013. 213 p.
3. Alekseeva I.A., Novosel'skij I.G. Reabilitacionnaja rabota s det'mi, perezhivshimi travmu, v uslovijah organizacij dlja detej-sirot i detej, ostavshijsja bez popечeniya roditelej. Moscow: Megafon, 2015. 231 p.
4. Anan'ev, B.G. Dostoevskij i psihologija. V kn.: B. G. Anan'ev. Psihologija cheloveka. Izbrannoe. SPb.: Mezhdunarodnaja akademija psihologicheskikh nauk, 1997. P. 79–89.
5. Andreeva G.M. Obraz mira i/ili real'nyj mir? Vestnik psihologii. 2013. No 3. P. 33–43.
6. Al'perovich V.D. Predstavlenie lichnosti o drugih ljudjah v svjazi s ejo 'obrazom mira' i 'kartinoj mira'. Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija. 2020. Vol. 20, No 3. P. 334–346.
7. Al'perovich V.D. Subyektivnyj 'obraz mira': sravnitel'nyj analiz konceptual'nyh modelej. Psihologija i Psihotehnologija. 2023. No 4. P. 104–117.

8. Bahtin M.M. Filosofskaja jestetika 1920-h godov. Sobranie sochinenij v 7 t., t. 1. Moscow: Russkie slovari. Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1997. No. 118.
9. Brjus Perri, Salavic Majja. Mal'chik, ktorogo rastili kak sobaku. 2021, Moscow: Izd-vo Bombora. 446 p.
10. Vygotskij L.S. Voprosy detskoj psihologii. SPb: Sojuz, 1999. 224 p.
11. Zinchenko V.P. Ot geneza oshhushhenij k obrazu mira. Sb. statej 'A.N. Leont'ev i sovremennaja psihologija'. Moscow: Izd-vo MGU, 1983. 288 p.
12. Kuz'mishko A.A. Projavlenie materinskoj deprivacii v processe semejnogo vospitanija. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal Vestnik nauki. 2024. Vol. 4. No 4 (73). P. 529–532.
13. Leont'ev A.N. Obraz mira kak mera cheloveka. Vosprijatie i mirovosprijatie – uslovie ego sushhestvovanija i razvitija. Mir psihologii. 2003. No 4. P.10–18.
14. Muhina V.S. Psihologicheskaja pomoshh' detjam, vospityvajushhihsja v uchrezhdenijah internatnogo tipa. Voprosy psihologii. 1989. No 1. P. 32–39.
15. Povstjan L.A. K voprosu ob osobennostjah formirovanija avtobiograficheskoi pamjati u detej, ostavshihhsja bez popechenija roditel'ej. Vestnik psihologii i pedagogiki Altajskogo gosuniversiteta. 2022. No 4. P.79–87.
16. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Osnovy psihologicheskoi antropologii. Psihologija razvitija sub#ektivnoj real'nosti v ontogeneze. Moscow: 'Shkola-Press', 2000. 416 p.
17. Smirnov S.D. Miry obrazov i obraz mira kak paradigma psihologicheskogo myshlenija. Mir psihologii. 2003. No 46. P.18–40.
18. Teslenko A.N. Social'noe sirotstvo : deviantologicheskij analiz lichnostnyh motivov otkaza ot rebenka. Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2022. № 2(4). P. 386–396.
19. Suprun A.P., Janova N.G., Nosov K.A. Metapsihologija. Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2019. 510 p.
20. Shvecova A.A. Profilaktika social'nogo sirotstva: social'no opasnaja sem'ja, kak faktor vozniknovenija social'nogo sirotstva. Vestnik magistratury. 2022. No 4-4 (127). P. 118–119.
21. Jel'konin D.B. Vvedenie v psihologiju razvitija (v tradicijah kul'turno-istoricheskoi tradicii L.S. Vygotskogo). Moscow: Trivola, 1994–168 p.